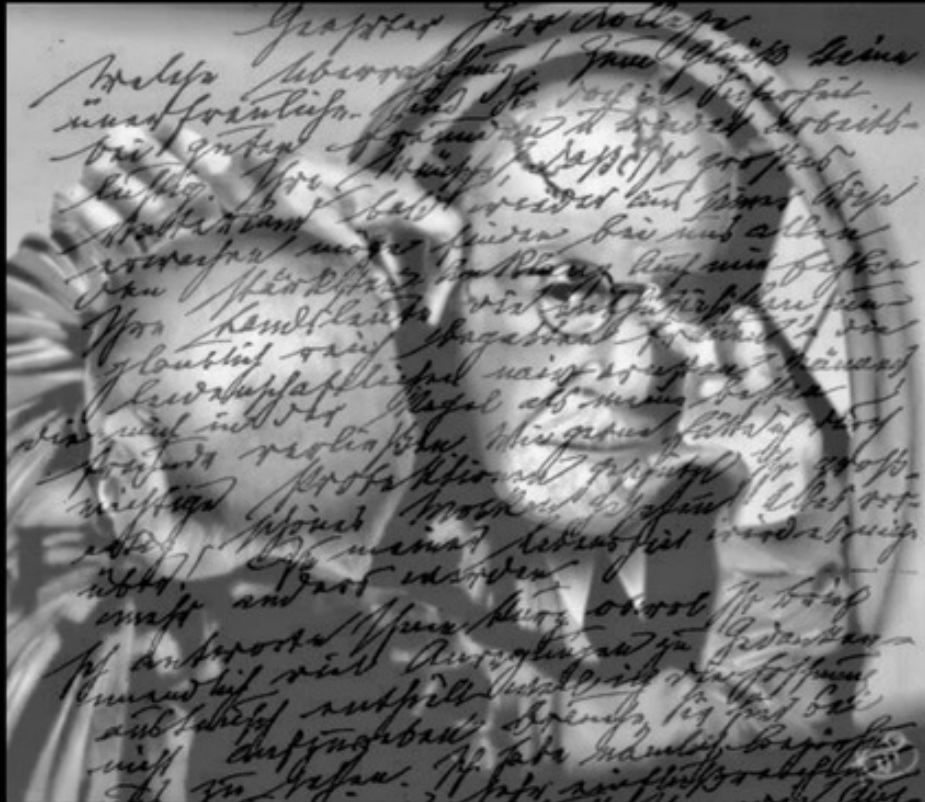

ВЛАДИМИР МЕДВЕДЕВ

Психоанализ психоанализа

Владимир Медведев

Психоанализ психоанализа

«Издательские решения»

Медведев В.

Психоанализ психоанализа / В. Медведев — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-933896-9

В книге впервые в психоаналитической традиции подвергнут психоанализу сам психоанализ. Предметом рассмотрения становятся и особого рода организация психики самого аналитика («психоаналитичность»); и психоаналитическая практика с ее атрибутами, ритуалами и мифами; и социальная миссия психоанализа; и его роль в современной культуре. Отдельные главы посвящены технике безопасности в психоанализе как «невозможной профессии», а также — истории и перспективам развертывания психоанализа в России.

ISBN 978-5-44-933896-9

© Медведев В.
© Издательские решения

Содержание

ПСИХОАНАЛИЗ ПСИХОАНАЛИЗА	6
Авторское предисловие	6
1. Предварительные замечания и пояснения	11
2. Что мы тут анализируем? Атрибуты, ритуалы и мифы...	17
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Психоанализ психоанализа

Владимир Медведев

© Владимир Медведев, 2019

ISBN 978-5-4493-3896-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ПСИХОАНАЛИЗ ПСИХОАНАЛИЗА

Авторское предисловие

Нижеследующий текст, составивший основу моей новой книги, представляет собой материал заключительной части большого лекционного цикла под общим названием «Психоаналитическая антропология», который читался мною будущим и начинающим психоаналитикам в рамках работы Психоаналитического клуба при Санкт-Петербургском профессиональном психоаналитическом обществе, президентом которого я в то время являлся.

Можно даже сказать, что для самого автора все предшествующие темы этого цикла – «Психоанализ человеческой судьбы», «Психоанализ тела», «Психоанализ сексуальности», «Психоанализ счастья», «Психоанализ любви», «Психоанализ семьи, брака и родительства», «Психоанализ деструктивности», «Психоанализ страха и смеха», «Психоанализ символических форм», «Психоанализ мифов и мифы психоанализа», «Психоанализ бизнеса», и др. – были своего рода предисловием к данной, последней в этом цикле, теме, к проблематике которой ее аудиторию, нужно было подвести и где-то даже – подготовить.

И самому подготовиться к этому, мягко скажем, необычному опыту – к развороту психоаналитического Зеркала, которое мы предьявляем другим людям, совместно обсуждая потом с ними увиденное и пережитое, в нашу сторону. К отражению себя в нем и в качестве носителя персональной «психоаналитичности», и как участника сложных и очень странных групповых ритуалов, в совокупности составляющих психоанализ как профессию. И к откровенному разговору об этом, причем разговору именно психоаналитическому, т.е. предельно, а местами и запредельно, откровенному.

В стандартной «психоаналитической ситуации» мы, предьявляя это Зеркало другим, сами прячемся за его поверхность, встаем в позицию «защитного отзеркаливания» и «нейтрального отстранения». Нас, мол, тут нет, тут только ты и разбитое Зеркало, которое следует склеить и увидеть в нем истинного себя, своего Черного человека. Увидеть и начать общаться с ним без боли и страха.

Сами мы в такое Зеркало заглядываем только в ходе собственного анализа, причем заглядываем в облегченном режиме, прекрасно зная, что легко сможем спрятаться от увиденного в психоаналитическом мифе и отыграть возникающие при этом переживания в ритуалах психоаналитической практики. Ведь этот миф и эта практика по большому счету и были придуманы теми, кто пережил этот опыт задолго до нас, для защиты от его последствий.

И мне непросто было решиться выйти из своего рода «зоны корпоративного комфорта» и встать перед этим Зеркалом без предварительных условий и защитных масок, встать на общих основаниях и продемонстрировать группе коллег результаты этого отражения, этого «психоанализа самого психоанализа». Рассказать им, а теперь и вам – мои читатели, как в психоаналитическом Зеркале выглядят и наши мифы, и наши ритуалы, и мы сами, и само это Зеркало. Парадоксальность этой задачи можно выразить посредством древнего символа – Уробороса, змея, пожирающего самого себя. Психоанализ психоанализа – это и есть попытка Змея, искусителя и провидца, познать самого себя, попробовать себя на вкус.

Поставить перед психоаналитическим Зеркалом само психоаналитическое Зеркало – значит породить бесконечность отражений, в которых можно легко потеряться самому и потерять чувство реальности. Избежать этого можно только одним способом, благодаря знанию которого мы как раз фиксируем и воспроизводим свою «психоаналитичность». И даже можем ее анализировать, свидетельством чему как раз и является эта книга.

Способ этот прост (хотя для постороннего взгляда – невозможен). Нужно не описывать отражения отражений, а «просто» говорить, и говорить откровенно – вся суть методики именно в этом, о своих мыслях и переживаниях, порожденных пребыванием в этом иллюзорном мире. Мои собственные переживания, фиксируемые здесь и сейчас, это и есть то единственно реальное, что становится и предметом психоанализа и его единственным инструментом.

Достигнуть подобного уровня интроспективной прозрачности живому человеку ох как непросто, но я все же сделал это, более полугода настраивая себя и группу на этот опыт, анализируя различные аспекты «человеческой ситуации» и готовясь к итоговому усилию – к выходу за пределы не только обыденной человечности, но и за пределы позиции наблюдающего за ее проявлениями аналитика.

И вставая в очень интересную и где-то даже не совсем приличную позицию наблюдения за наблюдателем. И рассказа о том, что сокрыто в психоанализе за профессиональными масками и дверьми кабинетов.

Результат этого усилия перед вами. Текст, конечно, не может в полной мере передать атмосферу того таинства корпоративной саморефлексии, которое происходило там и тогда. Но он сможет, я надеюсь, спровоцировать близкие по смыслу и чувству переживания и инсайты у его нынешних читателей.

Те мысли и чувства, которые легли в основу этой книги, родились давно, на пороге нового тысячелетия, когда наша страна стояла на перепутье. Но том же самом перепутье, на котором она стоит и сегодня. Не знаю, уместно ли это, но мне хочется тут, в предисловии, процитировать кусочек из заключительной части книги: *«Какое-то время мы продержались за счет заимствованных импортных моделей идентичности, но в свое будущее на чужой карете не въедешь. Рано или поздно нам с вами придется выбирать: либо – либо... Либо опираться на европейский опыт преодоления глобального кризиса через трансформацию глубин массовой психики, формирования нового коллективного Эго и развертывания его в систему ритуалов новой и непривычной для нас цивилизации (Фрейд как раз это и называл „психоаналитической терапией культурных сообществ“); либо – возродить изначальную модель социокультурного опыта, архаику имперской традиции, опираться на реставрацию под эгидой идеи об уникальности нашей культуры и цивилизации тех социальных мифов, которые были когда-то разрушены до основанья».*

На том же перепутье стоял тогда и стоит поныне отечественный психоанализ, подобно буридановой ослице заинтересованно поглядывая на «западнические» и «почвеннические» модели своего развития, не решаясь сделать окончательный выбор и сформулировать идейные и социокультурные основы отечественной психоаналитической школы.

Именно это ощущение «ретроспективной актуальности» наших психоаналитических бесед, прозвучавших на пороге Миллениума и касавшихся проблематики нашей персональной и корпоративной идентичности, побудило меня свести все эти материалы в отдельную книгу и выпустить ее в свет. Постаравшись тем самым осмыслить опыт своего рода «штрафного круга», который все мы – и страна, и отечественное психоаналитическое сообщество – прошли за эти годы, вновь вернувшись к исходному перекрестку. Прошли, прикрываясь иллюзиями и фантазиями, под сенью которой выросло уже новое поколение, в том числе – и новое поколение психоаналитиков, представители которого в атмосфере подобного рода социокультурной неопределенности компенсируют дефицит идентичности прагматизмом сугубо клинических целей и ценностей.

И вот опять настало время спросить: кто мы такие – психоаналитики? Чем мы отличаемся от других людей? Почему и зачем мы избрали для себя такую странную (иногда даже говорят – «невозможную») профессию? Как мы появились в России и что мы тут делаем сегодня? И что мы тут сегодня должны сделать? В чем наша миссия и в чем заключается общественный запрос

на нее? И есть ли он, этот запрос, в сегодняшней России? Настало время спросить себя об этом и честно ответить на эти вопросы.

Парадоксально, но, редактируя материалы, ставшие основой этой книги, я не ощутил обесценивающего влияния времени; тут ничего не устарело. Да и не могло устареть, поскольку речь идет о самых главных вопросах, касающихся природы и миссии психоанализа, глубинных истоков нашей к нему тяги и нашей к нему подключенности.

Я обязательно опубликую в ближайшее время весь текст своей «Психоаналитической антропологии»; при пугающей на первый взгляд объемности этого проекта – более тысячи страниц, он также выдержал проверку временем и достоин, как мне представляется, читательского внимания. Думаю, что эта публикация будет интересна широкому кругу гуманитариев, доброжелательно относящихся к психоанализу.

Данная же книга предназначена прежде всего самим психоаналитикам: и моим давним слушателям, коллегам и друзьям; и тем, кто за прошедшие годы вошли в психоанализ как в судьбу и как в профессию; и тем, кто только делает первые шаги в психоаналитическом пространстве, а то и просто стоит еще на его пороге. Стоит и пытается понять – почему и зачем он здесь оказался, что ждет его за этим порогом и нужно ли ему все это на самом деле.

Возвращаясь к уже использованной мною метафоре психоаналитического Зеркала, добавлю, что книга эта, выворачивая психоанализ наизнанку, приоткрывает проход в психоаналитическое Зазеркалье. Где можно увидеть много неожиданного, интересного и порою даже страшного, что обычно бывает сокрыто под покрывалом корпоративных иллюзий и мифов. И откуда можно, как через зеркало Гезелла, рассмотреть «аналитическую ситуацию», в которой мы сами пребываем и которую мы деятельно организуем для своих клиентов, в ее «обнаженном» виде. Что это значит легко понять, если вспомнить любимую сказку Зигмунда Фрейда – «Новое платье короля».

Но проход в это Зазеркалье не является универсальным. В книге продемонстрирован мой собственный проход, тот портал, который я умудрился «расковырять» в прочной поверхности зеркального нарциссического кокона, являющегося, в чем я постараюсь вас тут убедить, главным и непременным основанием «психоаналитичности» как таковой. Нарциссическая «монада», в норме не имеющая окон вовне, поддалась моим усилиям и дала маленькую трещинку, через которую я и просочился в это Зазеркалье. И осмелился рассказать вам об увиденном и пережитом. А точнее – о том, как «оттуда» выглядит сам наш психоанализ и мы сами, его в себе и вокруг себя воспроизводящие.

Все это, само собой, весьма субъективно и нагружено моими собственными психическими содержаниями – желаниями, аффектами и защитами, которые изначально были введены в режим проговаривания, а ныне вербально окаменели в форме текста. Перед вами – мой путь, моя колея, мой личный портал в психоаналитическое Зазеркалье и мой личный взгляд оттуда на психоанализ. Образно говоря – мои личные усилия, нелепые и болезненные, по вырыванию из себя своей «психоаналитичности», отстранения от нее и рефлексии по ее поводу. И потому призываю – не надо мне верить на слово; но стоит попробовать повторить мой опыт, пройдя его самостоятельно, но по уже намеченному мною и вроде бы относительно безопасному маршруту.

Сам я тоже использовал такую же защиту, выставляя впереди себя, как вы заметите, фигуру Зигмунда Фрейда и ступая по его следам. А как иначе? Я ведь не убивать свою «психоаналитичность» собирался, а «всего лишь» выпотрошить ее живьем и посмотреть – а что там у нее внутри. Потом бережно все засунуть обратно и сказать ей кодовую фразу: «Встань и иди!». И потому лучше всего такое делать в кампании с Фрейдом, который сделал это первым

и превратил это в профессию, немного изменив при этом, правда, кодовую фразу: «Я выслушал Вас, до следующей встречи!».

Коллеги, вы можете не соглашаться с содержанием моего варианта «психоанализа психоанализа», можете оспаривать отдельные послышки и выводы, предлагать иную методологию или технику подобного рода аналитической саморефлексии. Но в одном, я уверен, вы непременно согласитесь со мной: *нам нужно об этом говорить*. Ведь психоанализ, внутри которого мы живем и работаем, не только странен и тем достоин исследовательского интереса. При анализе этой «странности» нам показывают свой лик настолько травматические и потенциально патогенные психические ресурсы, защищаясь от которых Зигмунд Фрейд и построил здание психоанализа как своего рода убежище для себя и себе подобных, что разговор о них становится базовым элементом психоаналитической «техники безопасности».

Публикаций подобного рода и на подобную тему – о психоанализе самого психоанализа (и как персональной предрасположенности, и как корпоративного сообщества, и как профессиональной деятельности) лично я не припомню. О таком не принято говорить публично; эта тема, вроде бы, предназначена сугубо для конфиденциального корпоративного обсуждения. Но в отсутствие такового появление данного текста в виде книги о природе психоанализа и его российской судьбе полагаю оправданным тем обстоятельством, что наша психоаналитическая идентичность в России до сих пор является неопределенной. И потому – подлежащей публичному обсуждению.

Нам рано еще прятаться за частоколом запретов и умолчаний. Сам Фрейд по этому поводу резонно заметил, что в анализе недопустимо выставлять границы дозволенного, за пределами которых откровенное обсуждение становится невозможным.

Это все равно, писал он, что полиции определить отдельную площадь, где преступников ловить запрещается. И мы не успеем и глазом моргнуть, как все преступники города соберутся именно на этой площади.

Поэтому разговор о природе психоаналитической идентичности (и персональной, и корпоративной), разговор откровенный и правдивый, так важен именно в современной России.

По крайней мере мне самому не хотелось ранее и тем более не хочется сейчас, чтобы зарождающаяся у нас отечественная психоаналитическая школа заслужила у своего грядущего историка такие же горькие и даже порою обличительные комментарии, которыми так богат текст фрейдовского «Очерка по истории психоаналитического движения».

Хочу особо отметить, что нижеследующий материал основан на стенограмме устного выступления, проводимого мною, как обычно, в жанре тематической импровизации. В ходе неизбежной редактуры, превращающей запись живой речи в связный текст, в него не было добавлено ничего такого, чего в нем не было изначально. А убрано из него было только то, что явным образом устарело, будучи привязанным к малозначительным реалиям нашей тогдашней культурной и корпоративной жизни.

Предупреждаю же я об этом по одной, но важной для меня причине. В тексте порою встречаются необычные для «психоаналитического дискурса» фразеологизмы, риторические фигуры, а порою даже мягкие вульгаризмы. Цитаты в нем приводятся по памяти и не подтверждены ссылками и сносками. И – о ужас! – тут нет списка использованной литературы, поскольку все свои публичные выступления я черпаю только из одного источника – из попытки выразить в словах то, что думаю и переживаю здесь и сейчас по конкретному поводу в общении с конкретными людьми.

Одна из таких попыток, повод для которой, как мне представляется, небезынтересен любому, кто причастен психоанализу, перед вами.

* * * * *

В качестве приложения я включил в состав данной книги еще один, и тоже – очень странный, текст, написанный мною относительно недавно. Называется он «Фрейд об афоризмах Фрейда» и посвящен разговору об одной из форм сопротивления психоанализу – и у самих психоаналитиков, и в среде «околопсихоаналитической» публики. Речь идет о массовом распространении под видом фрейдовских цитат и афоризмов материалов открыто антипсихоаналитического содержания, целью которых является обесценивание (можно было бы сказать и жестче – выхолащивание) учения Фрейда и основанного на нем понимания людьми себя и мира, в котором они живут.

Я осмелился написать эти очерки от имени самого Зигмунда Фрейда, что придало дискуссии, которой сопровождалось их появление в одной закрытой интернет-группе, довольно-таки ожесточенный характер. Теперь я предоставляю их вниманию всех заинтересованных читателей.

И полагаю абсолютно логичным и оправданным объединение этих очерков с текстом лекции о «психоанализе психоанализа» под обложкой одной книги.

Тем более, что речь в них также идет о «психоанализе психоанализа», о приложении классического фрейдовского канона к тому порою странному набору идей и практик, который многие сегодня подразумевают, произнося слово «психоанализ». О взгляде самого Зигмунда Фрейда на тех, кто борется с психоанализом, прикрываясь его именем и прикрывая им свои измышления. И о его, конечно же – предполагаемой, оценке подобного рода извращений.

Владимир Медведев
Санкт-Петербург
сентябрь 2018 года

1. Предварительные замечания и пояснения

Сегодняшнюю лекцию, завершающую тематический цикл по «Психоаналитической антропологии», мне хотелось бы начать с разговора о специфичности темы нашей нынешней встречи, с обозначения ее кардинального отличия от тем предыдущих «антропологических бесед».

Прежде всего, я хотел бы отметить, что все наши попытки порассуждать с позиций классического психоанализа о человеческой судьбе, о символах и мифах, о любви и счастье, о страхе и смехе, о деструктивности, о теле и сексуальности, о семье, браке и родительстве, о деньгах и бизнесе в каком-то смысле были предысторией сегодняшнего нашего разговора.

Для нас, психоаналитиков, такой многогранный и многоуровневый разговор о человечности как таковой неизбежно становится поводом для вопроса о том – как мы вообще можем об этом рассуждать? Как можем исследовательски отстраняться от «человеческой ситуации», противопоставляя ей ситуацию психоаналитическую? Что за странным делом мы занимаемся? На каком основании мы полагаем возможным рассматривать людей как бы со стороны, зачастую называя их – «они»? И кто тогда мы с вами такие? Чем отличаемся от «обычных людей»?

И так далее. Вопросы тут множатся снежным комом. И настала пора на них ответить. Или, по крайней мере, постараться это сделать...

Теперь, благодаря опоре на уже достигнутое нами понимание природы человека, его психики и его поведения, его привязок к Бессознательному (далее – БСЗ) и к внешнему миру, мы можем решиться на опыт профессиональной саморефлексии, подвергнуть психоанализу сам психоанализ.

Можем попробовать повторить подвиг барона Мюнхгаузена и вытащить себя за волосы на свет из полумрака корпоративных иллюзий и мифов (да еще и вместе с «конем», т.е. с психоанализом как таковым, процессуально живущим по своей традиционной логике и влекущим нас с вами, его оседлавших, в совершенно непонятном для нас направлении).

Зачем нам с вами это нужно? Тут есть множество целей, которые я собираюсь предъявлять вам по мере продвижения по логике, диктуемой самим материалом. Но по сути цель у нашей с вами сегодняшней встречи одна: постараться прикрыть нашу общую «ахиллесову пятю», нашу главную профессиональную уязвимость.

Такая уж профессия у психоаналитиков, что мы вынуждены постоянно генерировать терапевтически нагруженные мифы, объяснительные фантазии и маскирующие иллюзии. И не просто генерировать, но деятельно их разыгрывать в атмосфере веры, надежды и любви. В атмосфере, которую, кстати говоря, мы сами формируем и сами поддерживаем. Такая вот у нас «невозможная профессия».

И надо обладать буквально сверхчеловеческими качествами, чтобы сохранять в подобного рода «виртуальной реальности» строгую профессиональную ориентацию, чтобы не растворяться в этом мороке иллюзий и фантазий, наполняя его своими компенсаторными проекциями, а спокойно и отстраненно работать, воспринимая происходящее как средство для достижения цели, а не как саму цель. Образно говоря, очень сложно в этом «магическом театре только для сумасшедших», как описал психоанализ Герман Гессе, быть режиссером-постановщиком, не дать психодинамике аналитической ситуации затащить тебя на сцену и вовлечь в игру.

Мы с вами не сверхчеловеки, увы, и для того, чтобы выходить за пределы «человеческой ситуации» нам нужно уметь рассматривать ее не вовлеченно, как бы со стороны. Это мы уже умеем, пройденный непростой и долгий курс по психоаналитической антропологии нам в этом помог. И я надеюсь, что мы с вами «прошли» этот курс так же, как мы «проходим» психо-

анализ, т.е. совмещая познание самих себя («прочистку дымоходов») с инвентаризацией всех оперативных иллюзий, под прикрытием которых мы «выходим из себя» и вступаем в отношения с другими людьми.

В том числе – и в профессиональные отношения.

А теперь нам нужен последний штрих, нужен своего рода «очухан» (спасибо за эту метафору Станиславу Лему и его «Футурологическому конгрессу»), который бы нам позволил оставаться в рамках реальности там, где мы сами напустили тумана, там, где за реальность принимается смесь иллюзорных проекций и компенсаторных фантазий, где общаются не люди, а некие теневые фантомы, виртуальные сгустки архаических влечений и вытесненных желаний.

И таковым «очуханом» для нас может послужить понимание того, что происходит в «аналитической ситуации», если ее саму подвергнуть психоаналитическому истолкованию. И ответить на вопросы: *кто такой психоаналитик, зачем ему самому нужна эта странная процедура, в которую он заманивает людей и в которой их удерживает, а также – для чего вообще этот психоанализ был придуман его создателем – Зигмундом Фрейдом?*

Заранее предупреждаю – многое из того, что вы сегодня здесь услышите, вам не понравится. Но прошу свои сопротивления прорабатывать в персональном режиме (на то вы и кандидаты в психоаналитики), а не выплескивать их на меня здесь и сейчас.

Помните старую мудрость – «пианист играет как умеет» и он (в смысле – я) не в ответе за то, какие душевные движения и переживания вызовет у вас исполняемая им музыка.

И попробуйте просто мне довериться, приняв то, что вы тут услышите, как горькое лекарство, постоянное ощущение горечи которого во рту, уберезет вас на протяжении всего вашего психоаналитического пути от многих бед и разочарований.

Особых откровений, правда, тоже не ждите. Я не имею права выходить за рамки своего рода «пропедевтики», введения в психоанализ, поскольку аудитория нашего лекционного цикла – это не прошедшие огонь, воду и медные трубы психоаналитики, которым и сам черт не страшен, а люди, зашедшие в психоанализ «на огонек» и желающие присмотреться: что тут и как.

И потому я ограничусь, пожалуй, традиционной формой психоаналитического исследования, и не стану слишком часто выходить за ее пределы. Т.е. встану в обычную позицию аналитика как сновидца, который сохраняет сновидческую активность, основанную на соприкосновении с БСЗ, и в состоянии т.н. «бодрствования». И с этой позиции, как уже неоднократно в ходе данного лекционного курса делал, рассмотрю зону обыденности как странности и проанализирую свои реакции на увиденное. Отличительной чертой нынешней нашей встречи является только то, что посмотрю я при этом на психоанализ как пространство, где живут и работают странные люди, и на себя самого, в этом пространстве странным образом пребывающего.

Ничего особо уникального в таком взгляде нет, просто мы в психоанализе стараемся не делать этого. Не смотреться самим в психоаналитическое Зеркало, которое подсовываем окружающим. Стараемся не делать этого по простой причине – увидев себя в этом Зеркале, человек обычно удивляется и ужасается, получая импульс к изменению. А психоанализ, как мы увидим, и есть результат подобного рода изменения, совершенного некогда первым, кто в такое Зеркало заглянул, т.е. Зигмундом Фрейдом. Заглянул, удивился, ужаснулся, изменился и зафиксировал свое изменение в виде сложно организованной и концептуально нагруженной профессиональной деятельности, которую мы сегодня и решили проанализировать.

Но иногда заглядывать в это Зеркало следует и нам с вами. И персонально, тогда это называется нашим собственным анализом. И корпоративно, тогда эта процедура позволяет нам понять – живым ли делом мы тут занимаемся, подключены ли мы к его изначальным истокам, не впуская ли воспроизводим некие давно уже мертвые ритуалы в режиме корпоративной навязчивости...

И еще одно предварительное замечание: при психоаналитическом разборе самого психоанализа мы не можем применять уже неоднократно использованные в данном лекционном цикле концептуальные подходы и исследовательские шаблоны.

Вспомним, к примеру, нашу прошлую встречу, когда мы подвергли психоанализу деньги и предпринимательство. Как мы это делали? Мы четко и последовательно описали ряд специфических ритуалов, соотнесли их, в соответствии с нашей традиционной процедурой интерпретации, с инфантильным опытом, с его травмами и фиксациями, и показали, как в данной сфере себя органично чувствует человек, имеющий эти фиксации, и как мучаются, разрушая себя и свой бизнес, люди, попавшие в эту область профессиональной деятельности случайно, не по воле БСЗ.

Психоанализ – это тоже очень сложная система профессиональной деятельности, где-то, по большому счету, даже и предпринимательства, но с очень интересной, особенно для нас с вами, спецификой. Дело в том, что вся совокупность целей и средств, объяснительных моделей и методических приемов этой деятельности была придумана одним единственным человеком – Зигмундом Фрейдом. Человеком, который поначалу, порядка пятнадцати лет, вообще занимался ею, по его словам, «в блаженной изоляции» и потом только заразил ею, как чумой, достаточно большое количество людей. Достаточно большое для чего? – спросите вы... Отвечу честно, у нас сегодня вообще все будет «по гамбургскому счету»: достаточно большое для того, чтобы выйти из маргинальной зоны персональной психопатологии в социум, для того чтобы трансформировать свой сложный и уникальный симптомокомплекс в профессию.

До конца своей жизни Фрейд воспринимал психоанализ как свое личное достижение, утверждая неоднократно, что только он, его создатель, может и должен указывать – что этим психоанализом является, а что – нет. И что в психоанализе есть только один критерий истинности – его собственное сдержанное расположение к его собственным мыслям.

С плохо скрываемой ревностной настороженностью воспринял он те новации, которые появились в двадцатые годы, когда психоанализ вошел в стадию превращения в профессиональную корпорацию, когда психоаналитиков начали готовить не на кушетках, а в специализированных учебных центрах, когда психоанализ перестал быть своего рода «обществом анонимных невротиков», начал приобретать социальный статус, когда стройные колонны кандидатов в «профессиональные психоаналитики» пошли поступать в открывающиеся «институты психоанализа».

Итак – специфика нашего сегодняшнего разговора может быть изначально прояснена в следующей фразе: *в основании психоанализа как особой сферы профессиональной деятельности и особого типа ментальности лежат не типические инфантильные переживания и формы их компенсации, а уникальный тип психической организации и уникальный опыт жизни одного единственного и вполне конкретного человека – Сигизмунда Шлома (Зигмунда) Фрейда, венского врача-психоневролога, выходца из небогатой еврейской семьи.*

И потому в нем, и только в нем, в его «семейном романе», в его младенчестве и детстве, в особенностях его вхождения в мир культуры, его обучения в гимназии и университете, в поисках себя в профессии, и т. п. коренятся все ответы на вопрос о том, что такое психоанализ.

Именно поэтому мы с вами не можем «отпустить» тень Фрейда по течению реки забвения и постоянно удерживаем ее в зоне своего пристального внимания. Именно поэтому мы знаем о нем так много (и знали бы еще больше, если бы его наследники все же рассекретили до сих пор сокрытую от публики часть его архива). Именно поэтому нас интересует каждая мелочь, касающаяся его жизни: в одном из психоаналитических периодических изданий был даже как-то опубликован мемуар о Фрейде, написанный дамой, мать которой однажды ехала с Фрейдом в одном вагоне и рассказала дочери об этом опыте. И он, этот опыт, несомненно важен для нас. Почему? Будем разбираться, для этого мы с вами сегодня здесь и собрались.

Итак, вот он – один единственный человек, уникальность психики и судьбы которого лежит в основании деятельности массовой профессиональной корпорации, существующей уже сотню лет, вовлекшей в свои ряды за это время десятки тысяч специалистов, а в сферу своей активности – сотни и сотни тысяч их клиентов. И этот огромный мир, мир психоанализа, распространившийся по всему земному шару и добравшийся в очередной раз и до нашей России, является компенсаторным отыгрыванием инфантильных травм, детских иллюзий, подростковых комплексов этого человека. И более того – его сновидений, его фантазий, его телесной и психической патологии и его, весьма и весьма специфических, отношений с жизнью и смертью.

Из этого следует весьма перспективный вывод, касающийся нашей профессиональной рефлексии, наших попыток понять глубинную природу своей собственной «психоаналитичности». Так уж получилось, что всегда и везде, где и когда мы сталкиваемся с «непонятками» в сфере психоаналитической метапсихологии (т.е. всего того, что мы принимаем в психоанализе на веру, как нечто для нас самоочевидное), теории или методики практической работы, мы всегда можем обратиться к личности Творца как к подсказке. И все сразу станет ясным, ведь он создал наш мир, мир психоанализа, по своему образу и подобию.

Именно здесь, в зоне «фрейдоведения», мы находим, как мы это делали с вами всегда в этих наших антропологических изысканиях, ту самую точку, откуда питается энергией психоанализ как человеческая деятельность, вошедшая за последние сто лет в новоевропейскую (постхристианскую) культуру, развернувшая в ней свою символику и свою ритуалистику, ставшая частью современной цивилизации. И раз она стала достоянием не одного человека, а практически – всего человечества, значит речь уже идет не только об уникальном проявлении психодинамики отдельного человека, о его комплексах и сновидениях, а о том, что этот человек сумел создать нечто, в чем другие узнали себя и свое. Свои проблемы, свои детские страхи, свои комплексы, свои сны и свои симптомы.

Получается, что типология и интерсубъективность мотивации тут все-таки имеется, как и в любом виде коллективной деятельности; тем более, как в данном случае, деятельности, осуществляемой сугубо конфиденциально, в «тишине и тайне», без подкрепляющих механизмов массообразования – заражения и подражания. Т.е., говоря о психоанализе, мы все же будем, куда ж без этого, иметь в виду его коллективный характер и исследовать истоки вовлечения в него, как некую форму компенсаторной навязчивости, множества людей, явным образом демонстрирующих соответствующее к нему влечение.

Но наряду с этим мы все-таки будем постоянно отталкиваться и от конкретного детства (и не только детства) конкретного человека, хотя бы только там, где у нас не будет готовых ответов. Там, где мы в силу естественных сопротивлений и защит будем не в состоянии «познать самих себя»; там, где обнаружатся «слепые пятна» нашего корпоративного самоанализа.

Почему? Потому что на детстве Зигмунда Фрейда создан так называемый «классический психоанализ», о котором мы говорим сегодня как о некоем первоисточке, как о некоей мечте,

некоем идеале. Фактически он уже не существует, он умер вместе со своим творцом, а современный психоанализ движется в сторону несколько иных смыслов и целей. Но движется, отталкиваясь от чего-то вполне конкретного и подлежащего анализу хотя бы для того, чтобы это движение, эта модернизация, обрела смысл.

Ведь если ты от чего-то отказываешься или что-то изменяешь, ты по крайней мере должен понимать: что это было, почему это было именно таким и для чего это именно таким и было создано...

Второе отличие от привычных для нас с вами подходов заключается в том, что психоанализ, в отличие от счастья, от любви, от проявлений деструкции, и многого другого, уже бывшего предметом наших антропологических разборов, не есть некое переживание, некое реактивное состояние (мимолетное или устойчивое), некая эмоциональная окраска восприятия нами себя и мира. Мы, правда, говорим порою о «психоаналитичности» как особом типе организации психики, но речь при этом всегда идет не о реактивных проявлениях, а о фундаментальном основании самой возможности стать и быть психоаналитиком.

Сегодня мы поговорим о психоанализе как деятельности, ориентированной на другого человека (других людей) и организованной в рамках профессионального сообщества.

То есть с этим люди работают. Есть, конечно же, профессионалы и в области любви, счастья, деструктивности и даже сексуальности, о них мы уже немного говорили, но психоаналитик – это человек, который умудряется работать на всех этих «кнопках». То есть психоанализ – это умение работать и на любви, и на счастье, и на деструктивности, и на сексуальности, и на описанных нами анально-накопительных и анально-продуктивных переживаниях, лежащих в основании любого бизнеса.

В контексте подобного рода «деятельностного» подхода к пониманию природы психоанализа мы сегодня сосредоточимся на субъектной проблематике этой деятельности. Поговорим о том, как психоаналитик себя при этом чувствует; ведь как бы ни пытался он казаться богом, он тоже человек. Он тоже человек, и этот человек, как обычно, уникален, как обычно, несет с собой свое собственное БСЗ (а точнее – куда-то несется последним), основанное на культурно-национальной традиции, на семейной истории, на уникальной модели детства, на особом варианте вхождения в культуру и символического подключения к ней...

И для того, чтобы этот человек мог работать в жестких рамках нашей очень странной профессии, необходимо соотнести этот его багаж с ее, этой профессии, спецификой.

Хотя бы в режиме техники безопасности.

Особенно важна эта тема, тема техники безопасности в психоанализе, для тех из нас, кто не органичен по отношению к психоанализу, кто вошел в него не через идентификацию с Фрейдом, обнаружив (а точнее – ощутив) тождественность, конгениальность его психических особенностей со своими, а просто пришел в эту сферу работать и зарабатывать. Я никогда не понимал таких экстремалов, для меня это все равно как нырять на глубину без акваланга, но массовость нашей профессии наглядно демонстрирует, что это возможно. Нужно только соблюдать эту самую технику безопасности, о которой мы сегодня отдельно поговорим.

Но и тем немногим, для кого эта профессия органична, техника безопасности тоже не повредит, поскольку все мы помним о том, что и сам основоположник и первопроходец, который создал психоанализ по своему образу и подобию как проекцию своих проблем и комплексов (и уж точно по определению был ему конгениален), много страдал и добровольно ушел

из жизни, не выдержав мучений, убитый именно этой своей деятельностью. Убитый неотреагированным Танатосом, о котором мы еще не раз вспомним сегодня.

Ну вот, пожалуй, и все предварительные замечания – для введения в сегодняшнюю тему наговорено достаточно. Пора начинать тематический разговор. Разговор, который, в свою очередь, будет всего лишь введением. Введением в те размышления и те переживания, которые каждый психоаналитик вынужден постоянно воспроизводить в качестве фона своей профессиональной деятельности.

Скажу даже сильнее – в качестве основания для самой ее, этой деятельности, возможности.

Многие из присутствующих, как я вижу, уже учатся в институте психоанализа, многие только еще собираются войти в пространство психоаналитического тренинга и пришли сюда с желанием понять: куда они, в принципе, идут и что их в этом пространстве ожидает.

Прошлые темы нашего курса позволили нам поговорить о том, как мы здесь, в пространстве психоанализа, понимаем жизнь «обычных людей» и как мы на основе этого понимания можем с ними профессионально работать.

А сегодня мы поговорим о самом главном – как мы можем с этим пониманием жить и чем мы, его носители и деятельные его агенты, отличаемся от других людей.

О том – как мы можем удерживать себя в этой извращенной позиции и какую технику безопасности должны применять, чтобы не страдать в ней, как наш Творец и Учитель, а просто работать без ущерба для здоровья и без личностных деформаций.

Без учета таких вот разговоров психоанализ перестает быть массовой профессией и превращается в место для сублимативной компенсации глубинных патогенных проблем «органичных» психоаналитиков, т.е. подобных Фрейду нарциссов, одержимых танатофобией и болезненными проявлениями равно воспаленных материнского и отцовского комплексов, с неустойчивой половой идентичностью и склонностью к паранойяльным проекциям.

Но таковых, прирожденных психоаналитиков, слава богу, среди нас не так уж и много (их, кстати, легко узнать по неумной творческой продуктивности и незаживающему интересу к личности и жизни Зигмунда Фрейда).

Все остальные, я повторяю, в психоанализе просто работают. Но без учета угроз и опасностей, поджидающих здесь обычного человека на каждом шагу, эта работа становится невозможной и взявшийся было за нее человек, обученный, проанализированный и отсупервизированный, выдавливается из нее, как Архимед из ванны, переходя в иные, более технологичные и менее погруженные в зону рискованной неопределенности формы работы с индивидуальной или массовой психикой.

И это еще в лучшем случае...

2. Что мы тут анализируем? Атрибуты, ритуалы и мифы...

Итак, с чего мы начнем анализировать психоанализ? Конечно же – с определения того, что мы анализируем. И что мы вообще можем в данном случае анализировать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.